

нула на нее и нахмурилась. Она быстро натянула чулки и стала одѣваться. „Слава Богу, — думала она, — это ужъ послѣдній разъ“.

— Прости меня, Раиса! — сказала Варвара Тихоновна, дѣлая надъ собою усиліе: — мнѣ жаль, ты такъ молода, и...

— Вы хотѣли бы, чтобы я вышла замужъ старухой?

— Нѣтъ, Раиса... Богъ съ тобой! Я исполнила свой долгъ.

— Маман, милочка, я не знаю, какъ васъ благодарить! — вскричала дѣвушка и горячо поцѣловала Варвару Тихоновну. — Но зачѣмъ вы плачете?

— Ты не любишь меня! Чужой человекъ тебѣ ближе... Конечно, ты не родная дочь, и нельзя отъ тебя требовать довѣрія. Но...

— Какъ это некстати, маман! — произнесла молодая дѣвушка.

Тогда Варвара Тихоновна съ рѣшительнымъ видомъ заговорила:

— Кажется, ты не понимаешь меня, Раиса. Я ли не желаю тебѣ счастья! Я согласилась на этотъ бракъ въ надеждѣ... я думала... однимъ словомъ, я исполнила долгъ матери. Я ничего не пощадила. Ты выходишь... тебѣ нужно бѣлье, нужна постель...

— Маман!

— Не перебивай меня, Раиса... Видишь Богъ, я на послѣднія средства... Развѣ я могла подозрѣвать?.. Какъ ни малы оказываются источники твоего будущаго мужа, но мои гораздо меньше... Раиса, я спрашиваю тебя, какъ дочь, хотя и не родную — скажи: чтѣ побудило тебя обратиться къ чужому человеку съ жалобой на меня?.. Молчи! Не отвѣчай! Не надо! Ты не искренна!

Дѣвушка смотрѣла на мамину, поблѣднѣвъ. Она сама готова была заплакать. Но, призвавши на помощь свою твердость, она ждала, чѣмъ кончится бесѣда маман.

Подержавъ снова платокъ возлѣ глазъ, Варвара Тихоновна продолжала:

— Главное, я говорила съ тобой и предупреждала тебя... По совѣсти, ты не имѣешь никакихъ правъ!

— А, вотъ чтѣ! Вы не хотите дать приданаго! — сказала Раиса.

Варвара Тихоновна послѣ паузы молвила:

— Да, я могла бы ничего не дать, и тебѣ пришлось бы ждать моей смерти. Я такъ и Никодиму Павловичу отрѣзала. Конечно, я не дура, и сейчасъ поняла, откуда вѣтеръ. Самое болѣе, чтѣ я могу — пять тысячъ... Послѣднюю фразу она произнесла шопотомъ.